

грузов, езда верхом, приготовление и потребление кумыса — далеко не полный перечень связанных с коневодством изображений. Особый интерес представляет передача в резьбе по кости эпизодов охоты — одного из важных промыслов в жизни якутов.

Ряд изображений связан с обычаями и обрядами. Особенно часты сцены, относящиеся к весеннему празднеству «ысыах»: танцы, борьба, ритуал потребления кумыса и т. п. В резьбе находит также отражение шаманское камлание, встречается изображение ритуальных одежд и утвари. Причем совершенно отчетливо, иногда со всеми мельчайшими деталями, передаются различные сосуды, необходимые для приготовления, хранения и потребления кумыса: чороны, холлогосы, кытыйи, семиры и др.

Нередко в небольших по размеру изображениях различаются покрой одежды и обуви, их составные части, отдельные украшения, элементы орнамента. Некоторые изображения позволяют судить о торговых и культурных связях якутов того времени с русским, китайским и другими народами.

Достоинством книги является привлечение ее автором к исследованию материалов из письменных источников и использование устных сведений и сказаний народного эпоса. Эти данные помогают еще больше утвердить правдивость и жизненность изображений в якутской резьбе по кости XVIII—XIX вв.

Последняя глава книги посвящена особенностям орнамента в якутских костережных изделиях, его назначению и роли в общих художественных композициях. Примечательной особенностью якутского костережного искусства автор считает мастерское соединение художественно-декоративных приемов с передачей сцен из окружающей действительности, умение подчинить реалистические детали общему декоративному замыслу.

В работе вкратце говорится о пути якутского костережного искусства после Великой Октябрьской социалистической революции, когда перед мастерами-костережами открылись широкие возможности для развития их творчества.

В заключение автор обращает внимание читателя на то, что «...сцены из трудовой и бытовой жизни народа, запечатленные самим народом, являются наиболее достоверным источником по изучению жизни якутов». Таким образом, изображения на якутских костережных изделиях представляют собой ценные дополнения к иллюстративным источникам по якутской действительности XVIII—XIX вв.

Примечания к основному тексту книги являются существенным дополнением к исследуемому вопросу. Альбом из 64 иллюстраций с подробными аннотациями и описаниями помещенных в альбоме костережных изделий, а также список использованной литературы дополняют научное и познавательное значение книги Л. И. Якунина.

Существенный недостаток книги — некоторая небрежность в ее издании. Так, например, ряд ссылок на иллюстрации и некоторые аннотации не корреспондируют с изображениями. Лучшего оставляет желать качество иллюстраций. Вызывает недоумение предельно незначительный тираж издания (500 экз.). При таком тираже книга не только не дойдет до массового читателя, но и не попадет в те музеи, научно-исследовательские учреждения, художественные организации, где она необходима. Напрашивается вопрос о ее переиздании.

Б. Н. Вампилов, А. Ф. Червяков

Э. Т. Карапетян. *Армянская семейная община*. Ереван, 1958. 142 стр.

Изучение семейной общины у народов Кавказа ведется с 80-х гг. XIX в. Большая семья у осетин, карачаевцев, чеченцев, грузин, армян и ряда других народов Кавказа довольно подробно описана в работах М. М. Ковалевского, Н. Харузина, Б. Миллера, Н. Л. Абазадзе, Е. Лалаяна и др. Особенно велика в этом деле заслуга крупнейшего дореволюционного русского исследователя-кавказоведа М. М. Ковалевского, который первый открыл существование этой формы семьи на Кавказе. Труды М. М. Ковалевского были положительно отмечены Ф. Энгельсом. Тем не менее в теоретическом отношении семейная община оставалась долгое время недостаточно изученной, поскольку отсутствовал исторический подход к ее исследованию и она рассматривалась как некая статическая организация, остававшаяся неизменной на всем протяжении своего существования. Точка зрения на большую семью как на явление исторического порядка, обладающее «собственной внутренней историей, изучение которой является основным средством к ее познанию», впервые была высказана советским этнографом М. О. Косвеню. В работах этого ученого содержится общая характеристика семейной общины на различных этапах исторического развития и выделяются два основных ее типа: демократический и отцовский, или деспотический¹. Первый из этих типов свойственен ранним ступеням развития семейной общины, второй — более позднему времени. На последнем этапе своего существования, в условиях классового общества

¹ М. О. Косвен, Семейная община (Опыт исторической характеристики), «Советская этнография», 1948, № 3, стр. 31.

и широкого развития товарно-денежных отношений, подтачивающих самую основу большой семьи, последняя, чтобы уцелеть, вынуждена зачастую вновь возвращаться к прежнему демократическому строю, который устанавливается уже на качественно иной основе. Начертанная схема развития семейной общины, разработанная М. О. Косвенюком, полностью воспринята Э. Т. Карапетяном и воспроизведена ею в рассматриваемой работе. На конкретном материале автор стремится проследить эволюцию отдельных сторон армянского гердастана (большой семьи), не получивших достаточно полного отражения в работах других армянских исследователей этого социального института.

Рецензируемая книга состоит из введения, в котором излагается историография вопроса и характеризуются положенные в основу работы источники, и двух глав: «Состав армянской семейной общины» и «Имущественно-трудовые и правовые взаимоотношения в армянской семейной общине». Работа построена на полевых материалах, которые Э. Т. Карапетян собирала в течение 1952—1955 гг. в различных районах Армении, и привлеченных ею литературных источниках.

В первой главе автор подробно рассматривает по поколениям состав армянского гердастана, круг входивших в него лиц, подчеркивает кровнородственный характер этой организации, приводя любопытные свидетельства различных собирателей о существовании особого института усыновления, действовавшего при приеме в гердастан сторонних лиц, что убедительно опровергает теорию «трудового начала» в большой семье. В главе показывается также, как в ходе исторического развития шло неуклонное сокращение состава армянской семейной общины, из которой постепенно исключались отдаленные родственники по нисходящей и боковой линиям. В условиях классового общества в составе армянского гердастана происходили и другие изменения в рабовладельческую эпоху в него включались домашние рабы, а в период феодализма — дворовые слуги, работники (стр. 59). В позднефеодалной Армении пережитки домашнего рабства способствовали возникновению так называемого института нокарутюна (нокарства), суть которого заключалась в том, что работавшие в богатых семьях наемные батраки (по своему социальному положению свободные малоземельные или обезземельные крестьяне), не будучи членами гердастана, жили и обслуживались в нем наравне со всеми другими лицами семьи. Таким образом, институт нокарства представлял собой не что иное, как откровенную эксплуатацию чужого труда, прикрытую оболочкой патриархально-семейных отношений, выдержанной в духе «добрых» старых времен. И хотя автор не вскрывает до конца указанной реакционной сущности нокарутюна, тем не менее по глубине исследования страницы, посвященные этому институту, являются одними из лучших в книге.

Вторая глава рассматриваемой работы посвящена выяснению экономической основы армянского гердастана, правовым и трудовым взаимоотношениям его членов и принципам раздела общесемейного имущества. Автор детально исследует характер земельной собственности армянской семейной общины в различных районах исторической Армении, устанавливая тесную зависимость общины от существовавших систем разверстания земли. Как одна из важных составных частей коллективной собственности большой семьи столь же подробно рассматривается жилище (тун) с сопровождающими хозяйственными постройками. Объекты внимания автора — распределение жилой площади в доме в хозяйственном и семейном отношении, изменения в планировке жилища, происходящие в связи с разделением семейной общины на дочерние семьи, отождествление в народной этимологии семьи с жилищем и т. д. В разделе «Трудовые взаимоотношения в армянской семейной общине» выявляется существовавшее в гердастане поло-возрастное разделение труда, обусловленное общесемейной коллективной собственностью и коллективным потреблением продуктов труда.

Много внимания уделяется в книге вопросу распределения семейного имущества при разделе гердастана. Автор отмечает, что принцип поколенного раздела движимой и недвижимой собственности (за исключением пищевых запасов), имевший место в общине во второй половине XIX в., уходит своими корнями в далекую древность и фигурирует уже в кодексе Хаммурапи и в средневековом армянском законодательстве. Вместе с тем раздел земли в большей мере определялся существовавшей системой ее разверстания, а в последние десятилетия XIX в. наделенные земли, находившиеся в пользовании семейных общин, как правило, уже всегда делились подушно, в чем сказывались усиление частнособственнических тенденций в среде армянского крестьянства и дальнейшее его расслоение. Тем не менее, как правильно подмечает автор, преобладание поколенного раздела земли над подушным до самого конца прошлого столетия свидетельствует о том, что в этот период имел место еще не распад больших семей на малые, а сегментация их на такие же большие семейные общины, которые продолжали пользоваться выделенными им долями общесемейного имущества на прежних коллективных началах (стр. 101).

Последний раздел книги посвящен правовым взаимоотношениям, существовавшим в армянской семейной общине, и показу роста власти главы семьи (тантера), который постепенно узурпировал все права коллектива. На основании литературных известий автор пытается показать, как на смену прежней демократической семейной общине приходит гердастан с ярко выраженной властью отца — единоличного распорядителя всех дел и имущества семьи. На последней стадии существования гердастана в результате развития частнособственнических и сепаратистских тенденций

время на время возрождаются демократические порядки, которые, однако, являются уже не выразителями прежнего мира и согласия, а проявлением в среде гердастана непримиримых противоречий (стр. 133). В заключение работы автор вновь суммирует все основные выводы, отмечая также значительные факторы, которые оказывали влияние (затормаживающее или ускоряющее) на ход развития армянской семейной общины.

В целом работа Э. Т. Карапетян, в которой на конкретном армянском материале исследуется предложенная М. О. Косвенюм схема развития большой семьи, представляет значительный интерес и, несомненно, является заметным вкладом в историко-этнографическую литературу об Армении.

В. Кобычев

Б. В. Лунина. *Из истории русского востоковедения и археологии в Туркестане. Туркестанский кружок любителей археологии (1895—1917)*. Ташкент, 1958, 320 стр.

До середины прошлого столетия Средняя Азия была известна мировой науке преимущественно по сообщениям отдельных путешественников, которые не только не давали исчерпывающих и обобщающих сведений по истории экономической и культурной жизни среднеазиатских народов, но порой сами факты передавали в искаженном виде. Со второй половины XIX в., после присоединения среднеазиатских ханств к России, начинается более широкое изучение края. Непосредственные наблюдения над жизнью и бытом местного населения, как и над памятниками материальной и духовной культуры, а также открывшийся доступ к местным рукописным источникам создали более благоприятные условия для накопления и изучения историко-археологических и этнографических материалов по Средней Азии.

Преодолевая косность местной администрации, передовые русские ученые и краеведы шаг за шагом разворачивали неутомимую деятельность по изучению природы и истории обширного Туркестанского края. Выдающийся критик-демократ В. В. Стасов отмечал, что в те времена «на обязанности наших исследователей лежало передать во всеобщее известие как России, так и Европы, о тех художественных и этнографических сокровищах, которые таятся в неведомых до сих пор среднеазиатских странах», в отношении которых «издревле мы чувствуем взаимное влияние, находясь в старинных связях и близких отношениях»¹.

В выполнении этой благородной задачи большую роль сыграли создававшиеся в то время по инициативе виднейших русских ученых различные научные общества — Туркестанский кружок любителей археологии (ТКЛА), Туркестанский отдел Русского географического общества, Туркестанское общество сельского хозяйства, ташкентские отделения Русского технического общества, Общества востоковедения и другие.

Изучению деятельности одной из дореволюционных научно-краеведческих организаций и посвящена рецензируемая книга Б. В. Лунина, представляющая собой одну из немногих публикаций историографического характера по Средней Азии, а частично и по русскому востоковедению вообще.

В основу работы положено освещение более чем двадцатилетней деятельности Туркестанского кружка любителей археологии. Этот кружок внес заметный вклад в дело накопления первичных материалов и фактических данных о памятниках материальной и духовной культуры народов Средней Азии. Следует отметить, что деятельность названной организации получила у Б. В. Лунина исчерпывающее освещение.

Б. В. Лунина убедительно показывает, что Туркестанскому кружку любителей археологии, как и другим научным обществам, приходилось работать в трудной обстановке, не находя поддержки со стороны царской администрации, располагая мизерными, часто случайными средствами и весьма ограниченными кадрами.

К работе Туркестанского кружка любителей археологии приложимы слова о том, что научные общества России конца XIX и начала XX в. «не носили официального характера, никогда не отдавали себя на службу царизму» и имели «преимущественно общественный характер»².

Заслуженой автора является то, что, исходя из указания В. И. Ленина о двух культурах в каждой национальной культуре, он сумел показать наличие, с одной стороны, — демократического, с другой — буржуазно-дворянского течений в деятельности Кружка. Из книги явствует, что с самого начала создания ТКЛА в нем действовали носители двух тенденций: с одной стороны, — сановники, генералы, высокопоставленные чиновники и прочие выразители реакционных политических взглядов, представители царской администрации типа известного туркестановеда Н. П. Остроумова; с другой стороны, — выразители настроений прогрессивно мыслящей интеллигенции: учителя, врачи, инженеры, агрономы, рядовые служащие и чиновники. Именно эта часть членов Кружка и внесла значительный вклад в прогрессивное направление туркестановедения.

¹ В. В. Стасов, Собр. соч., т. II, СПб., 1894, стр. 696.

² С. П. Толстов, *Этнография и современность*, «Сов. этнография», 1946, № 1, стр. 6.